

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РИМСКОЙ ОНОМАСТИКИ
В НОВОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Современные исследования по римской ономастике столь многочисленны, сложны, а нередко и противоречивы, что это позволяет говорить уже о различных направлениях в области изучения римских имен. В частности, Х. Солин¹ считает возможным, например, выделить следующие три направления: филологическое, где главное место занимают работы Кайянтто; историко-географическое, рассматривающее эволюцию латинских имен как исторический процесс в определенных географических рамках (здесь в первую очередь называются работы немецкой школы — Рикса, Унтермана, Хаппа), и третье, основанное старой школой, рассматривающей ономастику как важное средство для решения социологических проблем древности. Если придерживаться приведенной классификации Солина, то можно почти с уверенностью сказать, что наибольшее внимание античных историков и социологов привлекает сейчас третье направление. Оно постоянно пополняется новыми исследованиями, как правило, насыщенными острой полемикой по ряду проблем, ставших в какой-то мере уже вечными. Именно такие проблемы и будут предметом нашего дальнейшего обзора. Все они по существу связаны с одним главным вопросом: в какой степени данные ономастики, и в первую очередь — *cognomina*, можно использовать для определения социального статуса и этнического происхождения того или иного лица? Со времени выхода в свет известной работы Тенни Франка² использование номенклатурных материалов для социологических исследований приобрело особую остроту. Напомним, что, основываясь на анализе главным образом *cognomina*, представленных в надписях Рима, ряда итальянских городов, а также Нарбонской Галлии и Испании, Франк пришел к следующему заключению: около 90% постоянных жителей Рима составляли люди рабского происхождения, пришедшие преимущественно с Востока; в итальянских городах и в провинциях процент людей рабского происхождения был, хотя и не так велик, как в Риме, все же очень высок. Эти свои выводы Франк повторил и в «Экономической истории». Таким образом, Франк впервые использовал номенклатурный анализ для решения одной из кардинальных проблем античности, поэтому и неудивительно, что его статья вызвала столь бурную и продолжительную дискуссию.

Главным предметом разногласий и в работах 30-х, и в работах 70-х годов остается интерпретация греческих *cognomina*. Франк в свое время настаивал на том, что именно греческие *cognomina* указывали на отпущенническое происхождение, и эти отпущенники были, как правило, из греко-восточного мира, в то время как латинские *cognomina* свидетельствовали о западном происхождении. Как известно, уже в 30-х годах у Т. Франка появились серьезные оппоненты. В частности, А. Кальдерини утверждал, что выбор латинских или греческих *cognomina* определяется не происхождением, а модой³. Мэри Гордон доказывала, что греческие *cognomina* давались рабам не только восточного, но и западного происхождения⁴. Сходного мнения придерживался и Вестерман⁵. Чтобы отделить *ingenui* от *liberti*, Смит призывал искать критерии более четкие, чем греческие *cognomina*⁶. В 50-х годах в статье Ф. Майера под сомнение была поставлена вся эпиграфическая статистика⁷. Во-первых, Майер подверг серьезной критике сам метод определения свободного и несвободного статуса при посредстве харак-

¹ Heikki Solin, Probleme der Römischen Namensforschung: Die griechischen Personennamen in Rom, «Beiträge zur Namensforschung», V (1970), 3, стр. 276 слл.

² T. Frank, Race Mixture in the Roman Empire, «American Historical Review», 21 (1915—1916), стр. 689—708.

³ A. Calderini, Aquileia Romana, Milan, 1930, стр. 417.

⁴ M. L. Gordon, The Nationality of Slaves under the Early Roman Empire, JRS, 14 (1924), стр. 93—111.

⁵ W. L. Westerman, Sklaverei, RE, Suppl. bd. VI, 1935, стб. 1003—1007.

⁶ Z. F. Smith, The Significance of Greek Cognomina in Italy, «Classical Philology», 29 (1934), стр. 145—147.

⁷ F. G. Maier, Römische Bevölkerungsgeschichte und Inschriftenstatistik, «Historia», II, 1954, № 3, стр. 318—351.

тера *сognoмен* и, во-вторых, он подчеркнул: эпитафическая статистика ненадежна еще и потому, что она основана на случайных археологических открытиях и неполных данных о населении в Риме (стр. 348—349).

Но в 50-х годах появилась и работа, автор которой выступил в поддержку Т. Франка, — это книга Х. Тиландера о латинской эпитафике⁸. На отдельных ее главах целесообразно остановиться более подробно. Вопрос о *сogномина* как показателе социального происхождения Тиландер рассматривает в главе «Имена и происхождение лиц» (стр. 138—178). Рассмотрев историографию вопроса, Тиландер спрашивает, можно ли вообще квалифицировать *сogномен* как достаточно надежный критерий для определения происхождения. Он подробно останавливается на номинации различных категорий людей, которые теми или иными путями попали в Италию (рабов, отпущенников, солдат, евреев). Остановимся на изысканиях Тиландера в области имен рабов и *сogномина* отпущенников, поскольку именно эта проблема является главным предметом дискуссий. Автор приходит к выводу, что для *vernae* и *alumni*, получивших имя от господина, а не от родителей, оно не может быть критерием для определения происхождения. Значительно сложнее было с именами покупных рабов. Полемизируя с М. Гордон, Тиландер подчеркивает, что нельзя себе представлять дело таким образом, будто всем рабам и греческого и негреческого происхождения римляне давали главным образом греческие имена, а латинские имена носили только дети, рожденные свободными. Он показывает, что римляне давали рабам не только греческие, но и латинские имена типа *Marinus*, *Maritimus*, *Oriens*, *Peregrinus*, *Victoria*, *Felicitas*, *Spes*, *Potestas*. В надписях Италии, утверждает Тиландер, встречается более трети рабов, имеющих латинские имена. Латинские имена носили рабы, происходившие из Германии. Далее Тиландер подчеркивает, что, действительно, нет оснований утверждать, будто все греческие имена указывают на лиц греческого происхождения. И все же надписи I в. по его мнению, позволяют связать многие имена с происхождением рабов. В частности, можно сделать различие между именами латинскими и греческими, с одной стороны, и именами других языков, — с другой. Так, *Ammonius*, *Sagarathon*, *Serapion* указывают на египетское происхождение, *Achiba*, *Aciba*, *Sabda* принадлежали лицам семитского происхождения, *Daza*, *Laevonicus*, *Tito* — явно выходцы из Иллирии и т. д. Таким образом, когда дело касается кельтских, иллирийских, фракийских, семитических, фригийских, ассирийских, иранских имен, то ими вполне можно оперировать для определения происхождения. При этом Тиландер ссылается на специальную литературу, исследующую имена названных народов (стр. 161, 162). Но в общей массе доля негреческих и нелатинских имен ничтожна, к тому же происхождение многих из них филологами до сих пор не установлено. Тиландер полагает, что рабу с именем на незнакомом языке чаще всего давали все же новое — греческое или латинское — имя. Сходен и подход Тиландера к именам, связанным с географическими названиями (типа *Delphicus*, *Asia*, *Attica* и т. д.). По характеру этих имен, считает он, тоже можно определить происхождение, но их слишком мало для того, чтобы определять происхождение рабов в целом. Все вместе негреческие и нелатинские имена составляют 2—3%. Рабы из соответствующих стран часто скрывались под греческими и латинскими именами.

В заключение исследования рабских *сogномина* Тиландер приходит, тем не менее, к выводу, что на основании *сogномен* можно установить различие между рабами, пришедшими из греческих или восточных стран, где говорили по-гречески, и теми рабами, которые пришли из стран, где говорили на латыни. Но поскольку рабам, происходившим из греческих стран, часто давали латинское имя, число рабов восточного происхождения, считает он, было еще значительно больше, чем позволяют судить имена. Следовательно, цифры для восточных рабов, данные Т. Франком, причислявшим всех рабов, которые носили латинские имена, к западным, по мнению Тиландера, чрезвычайно занижены (как и у М. Гордон, которая ссылается главным образом на литературные

⁸ H. Thylander, *Etude sur l'épigraphie latine (Date des inscriptions. Noms et denomination. Latine noms et origine des personnes)*, Lund, 1952.

давные республиканских источников, когда западные рабы действительно могли превалировать). Что же касается Империи, то здесь большой процент стали давать домо-родные рабы. Приобретенные же рабы либо поступали в качестве пленных из постоянно восставших восточных провинций, либо доставлялись купцами через пиратов, которые также действовали главным образом в восточных странах.

Таким образом, Тиландер идет еще дальше Т. Франка, поскольку готов приписать происхождение от восточных рабов не только лицам, носившим греческие *cognomina*, но и определенным категориям лиц с латинскими *cognomina*.

В 60-х годах в какой-то мере в поддержку Т. Франка выступили Лили Росс Тейлор⁹ и Ииро Кайянто¹⁰. Исследуя соотношение вольноотпущенников и свободнорожденных в эпитафиях «простого люда»¹¹, Л. Тэйлор обращает внимание на следующее. Во-первых, в отличие от надписей сенаторов, всадников и солдат, где часто встречается указание на трибу, в эпитафиях людей без титулов триба указывается крайне редко даже в надписях I столетия. Поскольку указывать на трибу имели право только свободнорожденные, Л. Тэйлор полагает, что редкость таких указаний в исследуемых ею эпитафиях свидетельствует о преобладании в них вольноотпущенников (стр. 116). Далее, для того чтобы определить, сколь велико преобладание вольноотпущенников в эпитафиях, автор делит все население, представленное в них, на три разряда: *incerti*, *liberti*, *ingenui*. К разряду *liberti* относятся все те, которые четко указывают на статус (*l.* или *lib.*), к *ingenui* — имеющие «филиацию»; лица без указания на статус и без филиации относятся к *incerti* (стр. 117—118), и их оказывается в надписях подавляющее большинство. При рассмотрении списков имен императорских отпущенников II в. из *St. Peter* и *Isola Sacra* Тэйлор обнаруживает, что указание на статус к этому времени становится очень редким. Тэйлор объясняет это, с одной стороны, нежеланием отпущенников афишировать свою зависимость от патронов, а с другой, — растущей значимостью императорских отпущенников. Стремление отпущенников скрывать свой статус автор доказывает еще и тем, что ей встречались одни и те же имена отпущенников, которые в разных надписях фигурировали то с указанием на статус, то без него, чего не случается, например, с филиацией у свободнорожденных, т. е. ей не попадались лица, которые встречались бы и с указанием на филиацию и без филиации. Все это, считает автор, дает основание полагать, что большинство так называемых *incerti* — вольноотпущенники (стр. 122). Этот вывод она стремится подтвердить и рядом других факторов, в частности характером *cognomina* (греческих и латинских), наличием у мужчин и женщин, состоявших в браке, одинакового помен (стр. 123—125). Однако, соглашаясь по существу с основным тезисом Т. Франка о том, что большинство римского населения было потомством рабов, Лили Тэйлор вместе с тем подчеркивает, что статистика, основанная на эпитафиях простого люда, не отражает в полной мере и для любого периода соотношение разных категорий населения в реальной жизни. И с этой точки зрения Лили Тэйлор соглашается с Мабером и не соглашается с Франком, полагающим, что в эпитафиях представлен в целом обычный тип городского плебса.

Как уже отмечалось, теоретические положения Т. Франка поддерживает и финский ученый И. Кайянто. Его работы о латинских и нелатинских *cognomina* представляются особенно интересными. Соглашаясь с оппонентами Франка в том, что отделение латинских имен от нелатинских — дело очень трудное, особенно когда это касается праепонем и помен, Кайянто вместе с тем подчеркивает, что решение этого вопроса не безнадежно в отношении *cognomen*. *Cognomina* отличаются от других частей

⁹ L. R. Taylor, *Freedmen and Freeborn in the Epitaphs of Imperial Rome*, *AJPh*, LXXXII (1964), 2, стр. 113—130.

¹⁰ I. Kajanto, *The Significance of Non-Latin cognomina*, «*Latomus*», 27 (1968), 3, стр. 517—534. К сожалению, нам оказались недоступны монографические исследования того же автора, в частности: «*The Latin cognomina*» (Helsinki, 1965) и «*Supernomina. A Study in Latin epigraphy*» (Helsinki, 1966).

¹¹ Л. Тэйлор не принимает во внимание эпитафии сенаторов, всадников, солдат и рабов (см. прим. на стр. 116).

римского имени тем, что они входят в употребление в историческое время, когда латинский язык вытеснял другие языки и диалекты Италии, а затем провинций. Латинский язык был уже так зрел, что фонетика и другие элементы не могли скрыть этимологию *cognomina*. Поэтому в большинстве случаев можно сказать, какое *cognomen* латинского, а какое — нелатинского происхождения. *Cognomina*, происходящие от латинских названий типа *Magnus*, *Priscus*, *Severus*, нетрудно определить. Легко определяются и *cognomina*, происходящие от родовых имен и географических названий: *Aemilianus*, *Antoninus*, *Gallus*, *Germanus*. Таким образом, удобно трактовать как латинские все *cognomina*, происходящие от римских gentilных имен, а также все *cognomina*, происходящие от географической номенклатуры Запада. Что же касается омонимов, т. е. нелатинских имен в латинском звучании, о которых постоянно говорят оппоненты Франка, то, по мнению Кайянто, они слишком малочисленны, чтобы существенно влиять на статистический материал, пренебрегать которым нельзя, так как разгадка происхождения *cognomina* может иметь важное значение для историка социальных отношений. И первостепенное значение здесь, согласно Кайянто, может иметь исследование пропорции латинских и нелатинских *cognomina* в различных социальных группах. Именно эта проблема и явилась предметом исследования указанной выше статьи Кайянто.

Для того чтобы выяснить, насколько социальное и этническое происхождение определяется пропорцией латинских и нелатинских *cognomina*, автор взял для исследования *cognomina* свободнорожденных и отпущенников из девяти важнейших (как он считает) итальянских городов и *cognomina* солдат, преимущественно стоявших в столице (трактовка солдатских имен в данном обзоре рассматриваться не будет). Итак, Кайянто использует материалы Рима, Аквилеи, Беневента, Кремоны, Флоренции, Медиолана, Пармы, Путеол и Вероны. Все *cognomina* он делит на латинские и нелатинские, но последние охватывают главным образом греческие и немного варварских. Далее, вслед за Тэйлор, всех лиц с *cognomina* он делит на три группы: *ingenui*, *incerti* и *liberti*. Для определения отпущенников, кроме обычного обозначения статуса (*l.*), Кайянто использует и указание на *contubernium*. Сложнее было определить статус свободнорожденных. Самым надежным доказательством здесь может служить филиация, но в период Империи и она быстро выходила из употребления, поэтому большая часть лиц попала в группу *incerti*, однако из этой группы Кайянто отнес к группе *ingenui* тех, для кого известно римское *nomen* отца. Из рассмотрения были исключены солдаты и члены сенаторских фамилий.

Весь собранный материал с учетом указанных критериев Кайянто свел в таблицу (см. стр. 189).

Статистические данные, представленные в таблице, позволили автору прийти к выводу, что *cognomina* свободнорожденных повсюду были преимущественно латинскими. Хотя большинство отпущенников имели греческие и другие нелатинские *cognomina*, своим детям они старались дать латинские *cognomina*. Те 20% *ingenui*, которые несли нелатинские *cognomina*, скорее всего, были потомками отпущенников или паломниками, полагает Кайянто. В Верхней Италии многие свободнорожденные носили местные имена, среди которых было много кельтских имен.

Что касается *cognomina* отпущенников, то, хотя в общем нелатинские *cognomina* встречаются у них в два раза чаще, чем латинские, по-настоящему большое число их характерно только для римских отпущенников. В других местах отпущенники носили латинские *cognomina* столь же часто, сколь и нелатинские, а в Медиолане и Парме даже чаще.

Кайянто считает, что эти данные все же не опровергают взгляд на греческие *cognomina* как на специфически рабские и, основываясь на регистре рабских имен Банга¹², пытается доказать, что его данные не противоречат тезису Т. Франка о том, что грече-

¹² M. B a n g, Die Herkunft der römischen Sklaven, «Römische Mitteilungen», 25 (1910), стр. 223—251; 27 (1912), стр. 189—221.

ские имена носили главным образом рабы, пришедшие с Востока, а рабы, происходившие из стран, где говорили на латыни, носили латинские имена.

В странах греческого Востока нелатинских *cognomina* — 80%, в латинских провинциях — только 36%, а в Италии рабы, включая *vergae*, имели нелатинских *cognomina* не намного больше, чем латинских. Высокая пропорция отпущенников с латинскими *cognomina* в Верхней Италии, считает Кайянто, могла бы быть объяснена тем, что рабы в этих районах большей частью происходили из латиноязычных провинций. Но основной фактор, определяющий высокий процент латинских имен среди итальянских рабов, Кайянто видит в широком распространении здесь домородных рабов. Он полагает, что восточные рабы ввозились главным образом в столицу, а другие города обходились в основном рабами домородными или (как Верхняя Италия) ввезенными из близлежащих провинций. Но даже если отпущенник имел *cognomen*, полученное от хозяина, невозможно установить, был ли он в прошлом домородным рабом или получил свое имя при покупке. Что касается *incerti*, то только в Риме большинство их *cognomina* были греческими. Это позволяет Кайянто вслед за Тэйлор утверждать, что большинство *incerti* были отпущенниками.

В заключение Кайянто подчеркивает, что материал латинских и нелатинских *cognomina* не может быть использован недифференцированно. Он свидетельствует о том, что источники рабства и сфера их использования в различных городах были неодинаковы.

Широко известные сейчас исследования Кайянто отнюдь не завершили дискуссию о значении латинских и нелатинских *cognomina* и роли номенклатурных данных для решения социологических проблем. Положения, выдвинутые почти 60 лет назад Т. Франком, продолжают оставаться в центре внимания и в 70-х годах. Так, в 1970 г. появилась статья Х. Солина об использовании в Риме личных греческих имен¹³, где главные ссылки Т. Франка снова ставятся под сомнение. Автор основывает свои изыскания главным образом на номенклатурном материале CIL VI и ICUR (*Inscriptiones christianae urbis Romae*), который датируется временем от Республики до начала VII в. и охватывает около 46 тысяч греческих имен, носители которых

Распределение латинских и нелатинских *cognomina* среди различных слоев населения по И. Кайянто

	<i>cognomina</i>	Рим	Аквиля	Беневент	Кремона	Фло-ренция	Медиолан	Парма	Путеолы	Верона	Общий итог
Свободнорожденные	Латинские	129(73,3%)	76(77,3%)	52(91,2%)	17	9	74(79,4%)	7	93(74,4%)	143(92,9%)	630(80,9%)
	Нелатинские	47(26,7%)	21(22,7%)	5(8,8%)	2	2	17(20,6%)	2	32(25,6%)	11(7,1%)	139(19,2%)
Неопределенные	Латинские	386(41,6%)	339(71,7%)	115(77,2%)	18	28	122(70,5%)	16	387(55,9%)	112(60,9%)	1523(56,5%)
	Нелатинские	544(58,4%)	138(28,9%)	34(22,8%)	5	12	51(29,5%)	12	305(44,1%)	72(39,1%)	1170(43,5%)
Отпущенники	Латинские	180(28,3%)	79(46,7%)	36(45,0%)	6	4	49(55,7%)	6	71(40,6%)	31(37,3%)	462(36,4%)
	Нелатинские	455(71,7%)	90(53,3%)	44(55,0%)	9	12	40(44,2%)	4	104(50,4%)	52(62,6%)	810(69,6%)

¹³ Solin, ук. соч., стр. 276—300.

жили в столице. С самого начала Солин указывает, что он не придает особого значения хронологической точности в ономастическом исследовании (стр. 285) и сосредоточивает внимание главным образом на данных ранней Империи. Гораздо большее внимание автор уделяет социологической систематизации материала; в частности, он выделяет следующие группы: сенаторское сословие, всадническое, другие свободнорожденные, люди с неопределенным юридическим статусом (наибольшая группа), отщепенники и рабы (в одной группе), *peregrini*.

Солин полагает, что прежде чем использовать ономастический материал для решения социальных проблем, его необходимо подвергнуть тщательной лингвистической обработке и поэтому начинает с вопроса: «Каким образом римляне воспринимали греческие имена?»¹⁴. Он пытается выяснить, какие греческие имена воспринимались римлянами как греческие, а какие — как латинские. Солин снова ставит вопрос об омонимах, подчеркивая, что к тому времени, когда, например, *Nilagus* и *Leo* вошли в употребление как имена собственные, римляне не воспринимали эти слова как иноязычные. Для омонимов очень часто трудно решать, как ощущали римляне языковую природу того или иного имени. Солин предлагает прежде всего различать, имело ли данное имя уже в Греции функцию имени собственного или нет (стр. 287). Например, имя *Draco* римлянам, скорее всего, воспринималось как греческое, а *Pirata* — как латинское, потому что, по мнению Солина, *Πειρατής* как имя собственное в греческих районах было неизвестно. К подлинно греческой группе имен Солин относит все топонимы Востока (*Libanus, Orontes*), он полагает также, что формальным критерием для размежевания омонимов могут служить изменения в основе: *Satyrus* — греческий, *Saturus* — латинский (стр. 288 сл.). Далее Солин задается вопросом о том, какими путями и откуда греческие имена приходили в Рим (стр. 289). Он обращает внимание и на то, что старые имена в Риме представлены скупо и давались они по известным персонажам: *Alexander, Antigonus, Lysimachus, Hippolytus*. Солин не оспаривает того факта, что носители греческих имен большей частью были рабы, но они могли получить свое имя не в силу происхождения, а иными путями: например, по воле хозяина, по наследству. Греческое имя могло даваться домородным рабам, так как в период Империи оно имело уже значение некоего штампа (стр. 290). Кроме того, римляне, полагает Солин, могли пользоваться греческим именем из тяги к греческой и особенно эллинистической культуре, просто из тяги к красивому. Отсюда — много новообразований с латинскими суффиксами, таких, как *Abascantianus, Eutychianus, Olympinus, Orestinus*. Затем появились имена, говорит Солин, которые по всему виду впервые возникли в Риме, такие, как *Apolauustus, Diadumenus, Epitynchanus*, и, наконец, в поздней императорское время появились новые имена с суффиксами *-ius* (стр. 291—292). Материал, приведенный на стр. 290—292, позволяет автору прийти к выводу, что «большая часть греческих имен в Риме автохтонна» (стр. 292). Некоторые имена могли быть двойного происхождения. Сами римляне образовали многие имена, исходя из греческой основы, немало греческих имен появилось в Риме благодаря знанию греческой культуры: греческой истории, мифологии, греческого языка. Так, уже со времени Августа популярнейшими греческими именами в Риме были *Eros* и *Hermes*. Далее, говоря, что многие греческие имена появились в Риме благодаря рабству, Солин вместе с тем подчеркивает: существовало много и других факторов, содействовавших их широкому распространению на Западе.

Выяснив этимологию и происхождение наиболее распространенных греческих имен и придя к выводу, что многие из них родились в Риме, Солин в заключение переходит к рассмотрению возможности решения социальных проблем с помощью ономастики, в частности, на материале распространения в различных слоях населения греческих имен. Хотя к идее определения юридического статуса и этнического происхождения лица на основании имени Солин относится с большой осторожностью, он тем не менее признает, что в какое-то время (например, в период Республики) определенные *cognomina* ассоциируются с определенными социальными группами. Но в эпоху импе-

¹⁴ Solin, ук. соч., стр. 287.

рии, когда в сенат проникла часть восточного населения и представители высшего сословия перестали чуждаться греческих имен, последние начали постепенно терять свои социальные функции (стр. 294). Процесс этот происходит достаточно медленно, и в I в.н.э. только небольшая часть сенаторского класса приняла греческие *cognomina*. При Адриане и особенно Марке Аврелии мода на греческие имена заметно распространилась. И последний толчок к полному исчезновению каких-либо социологических различий между латинскими и нелатинскими именами дает эдикт Каракаллы. Наконец, Солин подчеркивает, что даже в период Республики греческое *cognomen* далеко не всегда свидетельствовало о рабском происхождении, так как ряд греческих имен появился в Риме, когда рабское производство было еще очень слабо развито. Это прежде всего небольшая группа греческих имен у римского нобилитета, такие, как *Philippus* у Марциев, *Sochus* у Семпрониев, *Philus* у Фуриев. Таким образом, для позднереспубликанского и раннеимператорского Рима Солин принимает тезис о связи греческого имени с рабским происхождением, но лишь с весьма существенными коррективами; для поздней императорского Рима он этот тезис по существу отвергает.

Что же касается второй тезы Франка (и Тилаудера) — греческое имя — свидетельство происхождения из стран, говорящих на греческом, т. е. свидетельство восточного происхождения, — то это положение, по мнению Солина, стоит на еще более шаткой основе (стр. 297—300). «Я настоятельно подчеркиваю, — пишет Солин, — что этимологией имен нельзя пользоваться как доказательством происхождения рабов, и особенно рабов столицы» (стр. 298). На основании этимологии совершенно невозможно судить об этническом происхождении (стр. 300). В доказательство автор не только напоминает о новообразованиях из греческой основы, но указывает и на иные ономастические и исторические данные: например, на греческие имена с варварскими *supernomina*, на множество *uerna* с греческими именами, на обилие греческих имен у императорских рабов, в большинстве своем домородных (стр. 299).

Несмотря на то что многие вопросы методики номенклатурного анализа продолжают оставаться дискуссионными¹⁵, и исследование Солина является ярким тому доказательством, статистическая обработка данных ономастики находит все большее применение для социологических исследований, особенно когда речь идет о социальных слоях, связанных с рабством. В последнее время эпиграфической статистикой постоянно пользуются при исследовании состава императорских отпущенников и рабов, и неудивительно, что авторы наиболее известных трудов этого плана¹⁶ уделяют специальное внимание *cognomina* императорских либертинов. Так, Шантрэн в VII главе, которая, кстати, так и называется «Das Cognomen der kaiserlichen Freigelassenen und Sklaven» (стр. 128—139), после краткого напоминания о том, что порядок наименования частных и императорских рабов был по существу одинаков, сосредоточивает главное внимание на способах образования *cognomina* у императорских отпущенников и характере информации, которую можно отсюда почерпнуть. В отличие от частных отпущенников императорские отпущенники довольно часто получали *cognomen*, образованное от gentilьного имени хозяина, например Флавиан (стр. 128). Менее употребительны были *cognomina*, образованные от *cognomen* хозяина. Такого рода *cognomina* обычно появлялись уже у рабов (например, *Augustianus*), причем с конца II в. они закреплялись за рабом как рабское имя. Особенно любимыми были такие *cognomina*, как *Marcellus*, *Agrippina*, *Trajanus*. В целом *cognomina* императорских отпущенников, образованные от gentilicia и *cognomina* их господ, могут быть ценным датированным материалом, и это, по мнению Шантрэна, единственная надежная информация, которую могут дать *cognomina* императорских либертинов. Что же касается

¹⁵ M a j e r, ук. соч.; Солин (ук. соч., стр. 297, 300) поддерживает основные положения Майера. Работа К. Курца (K. K u r z, Gnoseologische Betrachtungen über die sog. Statistisch-Epigraphische Methode, «Listy filologické», 86 (1963), стр. 207—222) оказалась, к сожалению, нам недоступна.

¹⁶ G. B o u l v e r t, Les esclaves et affranchis imperiaux sous le Haut-Empire romain, Napoli, 1970; H. C h a n t r a i n e, Freigelassene und Sklaven im Dienst der Römischen Kaiser, Studien zu ihrer Nomenclatur, Wiesbaden, 1967; P. R. C. W e a v e r, *Familia Caesaris*, Camb., 1972.

определения происхождения на основании *cognomina*, то здесь Шантрен призывает к максимальной осторожности. Даже когда имя происходит от названия местности, оно не может быть совершенно безошибочным критерием. Шантрен, в частности, приводит примеры, когда *Puteolanus* происходит не из ПUTEОЛ, *Sabinus* не из САБИНИИ, *Asiaticus* — не из АЗИИ (стр. 130). Обращаясь к проблеме, поднятой Т. Франком, и дискуссии, с ней связанной, Шантрен прежде всего полемизирует с Тиландером (стр. 134—137). Безграмотная интерпретация надписей об императорских отпущенниках, полагает Шантрен, привела Тиландера не только к ошибочному выводу о составе и номинации императорских телохранителей, но и о времени распространения греческих имен среди северян. Шантрен приходит к выводу о том, что обычай северян брать греческие имена встречается до Нерона и за пределами императорских домов (стр. 135). Необоснованными представляются Шантрелю и утверждения Тиландера о преобладании рабов восточного происхождения, сделанные им на основании степени распространения греческих имен. Не говоря уже о том, подчеркивает Шантрен, что хорошо известны несвободные с латинскими именами, происходившие из восточных провинций, и рабы с греческими именами из западных, необходимо еще учитывать, что «уже ранее императорское рабство в больших размерах было самовоспроизводящим» (стр. 136), что подтверждается анализом имен императорских рабов и отпущенников, значительная часть которых произошла от смешения западных и восточных элементов (стр. 137). В заключение Шантрен еще раз подчеркивает, что для множества номенклатурных типов невозможно установить строгие правила, и потому на основании *cognomina* можно судить о происхождении императорской обслуги только в единичных случаях и с помощью дополнительных, косвенных данных (стр. 139).

Скептицизм Шантрена относительно информации, извлекаемой из номенклатуры *Familia Caesaris*, разделяет и Вивер (стр. 90, прим. 2), но в главе «*Cognomina and Agnomina*» (стр. 87—90) он все же рассматривает исключительно интересную и чрезвычайно важную проблему о выделении *cognomina*, типичных для определенных социальных слоев. Хронологический анализ номенклатурного материала *familia Caesaris* позволил Виверу прийти к следующим заключениям: 1) греческие *cognomina* обильны у императорских отпущенников и рабов, так же как у их свободнорожденных жен и детей, во все периоды; 2) латинские *cognomina*, обычно интерпретируемые как «*cognomina ingenua*» (*Marcellus, Rufus, Verus, Celer, Capito, Florus*), в большинстве случаев датируются в *familia Caesaris* концом I — началом II в. (причем, такие же имена типичны и для всаднических прокураторов со второй половины II в.); 3) *cognomina*, оканчивающиеся на *-ianus*, редко встречаются в I в., но во II в. становятся типичными для *Familia Caesaris*. Вместе с тем во II в. точно такие же *cognomina* с окончанием *-ianus* встречаются и у прокураторов-всадников. Резюмируя свои наблюдения, Вивер приходит к выводу, что со второй половины II в. барьеры между персональной номенклатурой высших классов и класса рабов и отпущенников падают, в чем Вивер (стр. 90) видит симптом «глубокого взаимопроникновения классов».

Как видим, сравнение номенклатурного материала императорской фамилии с номенклатурными данными других слоев римского общества позволили Виверу сделать далеко (на наш взгляд, даже слишком далеко) идущие выводы относительно социальной структуры ранней Римской империи. Несомненно, когда в определенный период наблюдается массовое появление одноименных имен в различных слоях римского общества, это можно в принципе рассматривать как свидетельство каких-то социальных сдвигов. Однако, на наш взгляд, используя это наблюдение, следует учитывать не только социальные, но и чисто психологические факторы, способствующие появлению модных и немодных имен. В этом отношении очень показательны данные Леона¹⁷ (на них, кстати, ссылается и Вивер), согласно которым члены иудейских общин в Риме при их социальной и этнической однородности и обособленности носили преимущественно латинские и греческие имена (еврейские имена составляли примерно седьмую часть исследуемых имен).

¹⁷ Н. S. L e o n, *The Jews in Ancient Rome*, Phil., 1960, стр. 93—122.

С 60-х годов номенклатурным материалом стали широко пользоваться не только для анализа состава рабов и отпущенников различных категорий. Итальянская школа — Гвидо Мансвелли и его ученики, основываясь на эпиграфической статистике, попытались представить примерную картину социального состава городов Северной Италии и влияния греко-восточных элементов на различные слои¹⁸. В 1970 г. появилось очень интересное исследование Р. Дютюа о *cognomina* августалов¹⁹, на котором необходимо остановиться более подробно. Используя методику почти всех предыдущих авторов и принимая во внимание их данные (главным образом результаты исследования Тэйлор, Тиландера, Кайянто, Мансвелли), Дютюа рассматривает *cognomina* августалов в двух аспектах: как источник для характеристики социального и этнического состава августалов и как материал, позволяющий сравнивать состав августалов в различных частях Империи с другим населением. Для этого материал 2500 надписей, упоминающих августалов (всего 1918 лиц) автор систематизирует следующим образом. Прежде всего, он делит все *cognomina* августалов на латинские и нелатинские, затем по принципу, предложенному Тэйлор, распределяет их на *ingenui*, *liberti* и *incerti*. Соответственно весь материал заносится в таблицы (они представлены в конце работы на стр. 99—105), в которых с одной стороны дается соотношение латинских и нелатинских *cognomina* у августалов и остального населения, а с другой — количество *ingenui*, *incerti* и *liberti* в среде августалов и иных свободных. Первая часть статьи рассматривает и сравнивает состав августалов в городах, исследуемых Кайянто (стр. 91—93), т. е. в Риме, Кремоне, Флоренции, Парме, Медиолане. В результате сравнения соотношения латинских и нелатинских *cognomina*²⁰ у августалов и остального населения, а также соотношения *ingenui*, *incerti* и *liberti* (таблицы I и II), автор приходит к следующему заключению. В указанных городах (кроме Медиолана) во всех категориях у августалов процент латинских *cognomina* ниже, чем вообще в надписях; доля *ingenui* для августалов заметно меньше, чем для всего населения, тогда как *liberti* — несколько больше, и наиболее выделяются *incerti*.

Во второй части работы (стр. 93) сравниваются данные Тиландера о влиянии восточных элементов в итальянских портах с данными об августалах. Результаты, сведенные в таблицу III, позволяют автору прийти к выводу, что в итальянских портах процент латинских *cognomina* у августалов также ниже процента, исчисляемого для всех надписей.

В третьей части сравниваются цифры, представленные Мансвелли, с данными об августалах (стр. 93—94). Результаты сведены в таблицы IV и V таблицы показывают соотношение латинских и нелатинских имен, VI и VII таблицы дают соотношение *ingenui*, *incerti*, *liberti*. Согласно приведенным данным, и в Северной Италии пропорция латинских *cognomina* у августалов ниже, чем среди населения в целом, хотя выше, чем у августалов крупных и портовых городов. Как и в других частях, наиболее многочисленную часть составляют *incerti*. Далее Дютюа исследует состав августалов во всей Италии (стр. 95—96) и представляет его в таблицах VIII и IX. На основании всех исследуемых по Италии материалов автор приходит к заключению, что в крупных городах и портовых центрах хорошо были представлены греко-восточные элементы, между тем как в малых центрах и внутренних городах Италии отпущенники были большей частью автохтонны или во всяком случае не происходили с Востока. Поэтому в I районе, где многочисленны порты, процент греческих *cognomina* более высок. Соответственно в VIII и VI районах, где порты менее многочисленны, более высок процент латинских *cognomina*. «Очевидно, в маленьких внутренних городах, — замечает автор, — влияние греко-восточного элемента было менее заметно» (стр. 96). В последней

¹⁸ См. «Приложение» (стр. 169—172) к статье Guido A. Mansueti, *La Civilisation en Italie Septentrionale après la conquête Romaine (II—I Siècle av. j. c. — I-er siècle après s. c.)*, «Revue Archeologique», 1962, 1, стр. 142—168.

¹⁹ R. Duthoy, *Notes onomastiques sur les Augustales. Cognomina et indication de statut*, «L'Antiquité classique», XXIX (1970), стр. 88—105.

²⁰ Для отделения латинских от нелатинских *cognomina* Дютюа принимает критерии Кайянто (стр. 92).}

части работы рассматриваются *cognomina* августалов в провинциях¹ (стр. 97—98, табл. X, XI). Автор группирует провинции в семь округов и получает весьма любопытные результаты: в восточных провинциях процент нелатинских *cognomina* у августалов не выше, чем в западных. Процент *incerti* более высок, чем в Италии.

Резюмируя результаты наблюдений, сделанных на материале различных частей Римской империи, Дьюта подчеркивает: его исследование еще раз подтверждает, что августалы — большей частью вольноотпущенники. Согласно приведенным таблицам, *ingenii* в среде августалов во всех районах представлены слабо, самую большую часть составляют *incerti*, а они, по данным Тэйлор и иным источникам, были в основном отпущенниками. Наконец, суммарные данные всех таблиц показывают, что отпущенники западного происхождения гораздо чаще, чем те, которые происходили из греческой или восточной части Империи, были членами коллегий августалов.

Рассмотренные выше работы свидетельствуют о том, что сейчас решение вопроса о степени распространения (как и об источниках) рабства в Риме в пору его наивысшего подъема во многом связано с уровнем исследований в области ономастики и эпиграфической статистики. А между тем сам метод эпиграфической статистики, как уже отмечалось, до сих пор нельзя считать общепризнанным. Не повторяя аргументацию оппонентов Т. Франка, нам хотелось бы обратить внимание на то, что их доводы прежде всего неравноценны по своей значимости и доказательности. Когда речь идет о том, что эпиграфические материалы не всегда бывают достаточно многочисленны, что они разрозненны, случайны, когда без всякой математической аргументации заявляется, что 1854 надписи для Италии и 560 надписей для Рима слишком мало для того, чтобы определить соотношение свободных и несвободных в ремесле²¹, — это, на наш взгляд, не звучит убедительно. Ведь эпиграфических, в частности номенклатурных, данных вполне недостаточно, чтобы обеспечить сравнительно объективный статистический разброс в соответствии с законом больших чисел. Таким образом, с точки зрения количественной эпиграфической статистики может быть вполне надежной. Но когда под вопрос ставится сам материал, в частности данные *cognomina*, которыми оперирует эпиграфическая статистика, тогда действительно могут возникнуть очень серьезные сомнения в отношении всего метода. И тем не менее, если возражения основаны только на ономастических изысканиях и не подкреплены данными статистики, против них тоже можно легко выдвинуть контраргументы, столь же, впрочем, малонадежные. Свидетельством тому могут служить разногласия в вопросе об омонимах. По мнению Кайянто, их было мало; Солин же полагает, что они составляли значительную часть греческих *cognomina*. Здесь, по-видимому, дело за цифрами. Или вопрос о социальной характеристике *incerti* по характеру *cognomina*. Разве несколько или даже много (не обработанных статистически, а следовательно, случайных) примеров М. Гордон о том, что рабов с Востока называли латинскими именами, могут поколебать статистику Т. Франка? Или разве в целой серии солидных доказательств Солина убедительно звучат отдельные, явно нетипичные примеры греческих *cognomina* у республиканского нобилитета как аргумент в пользу того, что греческие *cognomina* не могут быть вполне достоверным показателем рабского происхождения? Но с этой точки зрения недостаточно надежными представляются и доводы Л. Тэйлор относительно состава *incerti*. Более конструктивной выглядит методика Кайянто, который статистически доказывает, что степень распространения греческих *cognomina* по сравнению с *ingenii* (например) у *incerti* и *liberti* на несколько порядков выше.

Нам представляется, что современному уровню исследования номенклатурного материала более всего соответствует методика, основанная на комбинированном использовании историко-этимологического и статистического подходов.

Р. Е. Ляст

²¹ Мајер, ук. соч., стр. 349.